

ной деятельности. Средняя зарплата инженеров в седьмидесятые гг. выросла до 760 – 780 руб. в месяц. Отметим, что средняя зарплата рабочих в промышленности СССР в начале 50-х гг. составляла 500 – 600 руб. в месяц.

К сожалению цены после отмены карточной системы в 1947 г. росли быстрее, чем темпы роста зарплат. Поэтому, не смотря на знаменитые сталинские понижения цен, которые проходили весной почти каждого года 4 пятилетки, покупательная способность связистов падала, а доля натуральных продуктов – возрастала. Так, в 1950 г. 1 кг. хлеба стоил 3 руб., мяса – 28, масла – 60 руб. За шерстяной костюм нужно было заплатить 1500 руб. В результате в начале 50 гг. уже 62% связистов имели огороды и личные хозяйства.

Нерешенность социальных проблем отрицательно отражалась на производстве: травматизм, заболеваемость, а главное текучесть кадров, оставались высокими на протяжении всего рассматриваемого периода. В конце 50 гг. текучесть составляла 45% от всех, занятых в основной деятельности, что являлось выше показателя текучести в отрасли по стране.

Поворот к социальным нуждам связистов Урала начался только в середине 60–70-е гг. В это время начинают вкладываться большие средства в строительство жилья, материальное поощрение, санитарно-курортное лечение и охрану труда. Серьезное внимание обращается на соблюдение трудового законодательства, технику безопасности, высвобождение рабочих от тяжелых и вредных условий работы. Поворот к социальным и бытовым нуждам связистов в середине 60-х гг., является еще одним показателем того, что только в эти годы отрасль вступает в новый этап своего развития.

В. Н. Мамяченков

ГОЛОД В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Вопрос обеспечения крестьянства (впрочем, как и всего населения страны) продуктами питания очень остро стоял в первые послевоенные годы, особенно после засушливого и неурожайного 1946 г. В этом первом послевоенном году недобор зерновых составил треть всего зернового запаса бывшего СССР – этот запас сократился с 16987 тыс. т до 12681 тыс. т. На Урале сбор зерновых в 1946 г. составил 1743,1 тыс. т. или 81% к уровню 1940 г. В целом для СССР последствия неурожая были столь тяжелы, что из-за этого в стране на год была отложена отмена карточной системы продовольственного снабжения.

События 1946–1947 гг. в стране в связи с засухой и нехваткой продуктов питания очень хорошо описаны в монографии В. Ф. Зимы. На основе богатого фактического материала автор исследовал причины и последствия массового голода, который испытало тогда население большинства регионов СССР, создав масштабную и впечатляющую картину всенародного бедствия. В то же время, как нам представляется, автор не совсем прав, утверждая, что первое робкое упоминание о голоде послевоенных лет было сделано лишь в 4-м томе коллективного труда по истории крестьянства только в 1988 г. Прямое упоминание о голоде в те годы можно найти, например, в монографии М. И. Волкова, изданной еще в

1972 г., где он пишет о том, что в первом послевоенном году «...недоедание, случаи дистрофии (выделено нами – В. М.) пришлось пережить деревне в этот год», а «...тяжелые последствия войны и засухи переживала вся страна, весь народ».

Кроме того, нам представляется, что вряд ли правомерно связывать крайнюю тяжелую продовольственную ситуацию на Урале в первые послевоенные годы только с засухой и неурожаем первого послевоенного года. Правильнее, видимо, было бы сказать, что тоталитарному советскому государству и по окончании войны не удалось положить конец нищенскому и полуголодному существованию крестьянства, что ни в 1945, ни в 1946 г. оно не стало питаться существенно лучше, чем в военные годы, по-прежнему недоедая и нуждаясь в самом необходимом.

Эти рассуждения подтверждаются следующими данными. Действительно, валовое производство продукции земледелия по колхозам СССР в целом составило в 1946 г. по сравнению с 1945 г. (в ценах 1926/27 годов) 94%, а по колхозам Урала – 97%. Но, в тоже время, производство этой продукции в личных подсобных хозяйствах колхозников в 1946 г. составило по СССР всего 91%, а на Урале – 129% по сравнению с 1945 г. По регионам Урала этот показатель выглядел так: Башкирская АССР – 141%, Удмуртская АССР – 143%, Курганская (тогда Чкаловская) область – 102%, Оренбургская – 125%, Пермская – 129%, Свердловская – 129% и Челябинская – 83%. Таким образом, снижение данного показателя произошло только по Челябинской области (кстати, в колхозах этой области он был равен 95%).

Далее, если взять производство продукции животноводства в 1946 г., по сравнению с 1945 г., то этот показатель выглядит следующим образом: по колхозам СССР – 106%, Урала – 91%, Башкирии – 92%, Удмуртии – 87%, Курганской области – 100%, Оренбургской – 83%, Пермской – 89%, Свердловской – 92% и Челябинской – 107%. В то же время в ЛПХ колхозников в 1946 году было произведено продуктов животноводства: по СССР – 106%, Уралу – 104%, Башкирии – 112%, Удмуртии – 107%, Курганской области – 106%, Оренбургской – 98%, Пермской – 100%, Свердловской – 102% и Челябинской – 95% по сравнению с 1945 г.

Как видно из представленных цифр, никакого катастрофического снижения объемов продукции земледелия и животноводства в первом послевоенном году не произошло. Более того, некоторый недобор сельскохозяйственной продукции в колхозах, отразившийся прежде всего на оплате трудной, вполне компенсировался ее поступлением из ЛПХ (тем более, что подавляющую часть продуктов питания колхозники получали от собственного подворья). Об этом же говорят и данные по потреблению основных продуктов питания в эти годы. Из них следует, что, например в Башкирии в 1946 г. по сравнению с 1945 г. потребление колхозниками зернобобовых составило 133%, картофеля – 119%, овощей – 119%, мясопродуктов – 148%, молокопродуктов – 100%, яиц – 146%. В 1947 году опять же по сравнению с 1945 г. эти цифры выглядели так: 117, 93, 164, 175, 106 и 148%.

Таким образом, данные бюджетных обследований говорят даже об улучшении питания колхозников Урала в первом послевоенном году, и, на первый взгляд, весьма существенном. Но здесь надо учитывать следующий очень важный момент: это вроде бы значительное увеличение потребления происходило на фоне его предельно низких абсолютных цифр, находящихся ниже всяких допустимых границ норм физиологического потребления продуктов питания. Доста-

точно сказать, что в той же Башкирии среднестатистическое потребление, например, мясопродуктов в 1944 г. составило всего 5,3 кг, а яиц – 13 штук (для сравнения: в России в бедняцкой семье в 1900 – 1913 г. годовое среднестатистическое потребление мяса составляло 10 кг, яиц – 38 штук).

М. Н. Денисевич в своей монографии приводит страшные факты голодной жизни населения Урала в годы войны. Например, в Останкинском сельском совете Свердловской области только в 1942 г. в колхозных детских яслях умерли от голода и болезней 30 детей, в Коптеловском – 44 ребенка, в Монастырском – 22, в Бобровском – 18 детей. Из этого примера и из многих других видно, что голод военного лихолетья и смертность от него были непомерно велики в годы Великой Отечественной войны.

Между тем голодные военные годы в настоящее время уже не так привлекают внимание историков и экономистов. Думается, причина этого в том, что факты голода во время войны всегда воспринимались как нечто если не естественное, то, во всяком случае, неизбежное следствие предельно напряженного состояния общества, ведущего справедливую войну с агрессором. Массовый же голод в послевоенное время (особенно на фоне «быстрого и успешного восстановления» экономики страны, о чем постоянно вешали средства массовой информации), уже не мог быть оправдан временными трудностями военного времени. Соответственно, такие факты в большей степени привлекают внимание исследователей.

Тема голода в послевоенной уральской деревне (как и вообще тема голода в СССР) была запретной вплоть до второй половины 1980-х гг. До этого времени авторы, занимающиеся исследованиями условий жизни сельского населения, отмечали лишь тенденцию к увеличению потребления продуктов питания в колхозных семьях без анализа количества и качества потребленных ими продуктов и без сравнения этих данных с аналогичными по семьям рабочих совхозов и промышленных предприятий. Так, только «улучшение питания уральских колхозников» в первые послевоенные годы подчеркивала Р. П. Толмачева в своей монографии. При этом значительное место в своих работах исследователи уделяли роли ЛПХ в питании колхозников, но не давали при этом внятного ответа на вопрос: почему же так велика была доля продуктов ЛПХ в общем объеме потребления крестьянских семей. А между тем ответ на этот вопрос был очевиден: хроническая нехватка любых товаров, в том числе продуктов питания является неотъемлемым атрибутом командно-административной системы, и именно поэтому крестьянство не могло выжить без подсобных хозяйств.

Что же касается ответа на вопрос о том, действительно ли в 1946–1947 гг. в уральской деревне царил голод, то на него можно ответить следующим образом: крестьянство Урала и после войны питалось плохо, хотя и не хуже, чем в военное время. Просто голод военного времени стал голодом времени мирного.